

Когда Чэн Шу явился, выглядел он настолько замученным, что Гоудань невольно вздрогнул.

— Что с тобой стряслось-то?

Чэн Шу недовольно буркнул:

— А сам как думаешь? Знал бы я заранее, сколько мороки с этим управлением...

Гоудань смущенно кашлянул. Он, конечно, знал, что годовые отчеты вышли на загляденье и прибыль превзошла все ожидания. Но он также прекрасно понимал, какой адский труд ложится на плечи в преддверии Нового года. А сам взял и укатил домой пораньше, взвалив все заботы на Чэн Шу.

— Эти люди... Двенадцатый, тринадцатый день Нового года на дворе, а они всё обмениваются подарками! Наши подарочные наборы разлетались как горячие пирожки. Пришлось на ходу нанимать людей, круглосуточно фасовать, упаковывать... Но это еще полбеды. Из-за праздников часть товара застряла в пути, и вот эти бесконечные разборки и согласования выжали из меня все соки. С тех пор как ты уехал, я ни единой ночи нормально не спал. Пришлось поднять оплату, чтобы рабочие не взбунтовались и не разъехались по домам. Я сам принял решение: тем, кто остался работать на праздники, выписать тройной оклад за месяц.

Гоудань поспешно налил чаю и заботливо пододвинул пиалу.

— Всё правильно сделал, абсолютно правильно.

— Кха... — Чэн Шу сладко зевнул. — Да еще и со своими стариками пришлось по гостям мотаться, деваться-то некуда. Как тут не устать? Я вот что подумал: для нашего дела нужно нанимать людей. Особенно толковых управляющих, которые могут взять на себя текучку.

Гоудань согласно закивал:

— Да-да, полностью согласен. Обязательно найдем.

Выслушав весь этот ворох жалоб, Гоудань крепко сжал в руках заветную расчетную книгу, едва сдерживая рвущуюся наружу довольную ухмылку. На каждое слово компаньона он лишь согласно поддакивал: «Конечно-конечно», «Всё так и есть». В общем, всячески умасливал, вкусно накормил, напоил и с миром выпроводил.

Едва за гостем закрылась дверь, Гоудань бросился к Ван Сюаню и сунул ему под нос гроссбух.

— Ты только посмотри! То, что мы заработали за эти праздничные дни, сопоставимо с чистой прибылью за весь прошлый год! Покупательская способность в Новый год — это просто нечто...

Праздники — золотая жила. Думаю, нам нужно и дальше развивать это направление, подстраиваться под каждый крупный фестиваль.

Гоудань задумчиво постучал пальцем по кожаному переплету.

— У тебя теперь что ни слово, то про деньги, — улыбнулся Ван Сюань. — Совсем заматерел, заправский купец.

— А то как же! Вспомни мою специальность и заветную мечту детства.

— Стать самым богатым человеком на свете?

— Именно.

— Ладно уж. Давай тогда я буду зарабатывать, а ты — считать наши богатства? Идет?

— Еще чего! Я и сам после выпуска смогу зарабатывать. К тому же считать деньги — занятие скучное и унылое. Вот тратить — это я люблю.

Гоудань с легким смехом отшвырнул расчетную книгу в сторону и повалил Ван Сюаня на постель.

— Тратить, говоришь? Отличная мысль. Давай-ка вместе подумаем, на что их спустить.

Они со смехом покатались по кровати, в шутку борясь и тиская друг друга. Воздух между ними начал стремительно накаляться, и когда ситуация грозила зайти слишком далеко, Ван Сюань мягко, но решительно перехватил его руки. Всё-таки они находились в доме доктора Циня. И хоть эта комната служила им спальней, устраивать подобные сцены здесь не стоило. Мало ли кто решит заглянуть — неловко выйдет.

— Может, выберемся куда-нибудь вечером? — Гоудань прильнул к уху Ван Сюаня, обжигая его горячим дыханием, и зашептал вкрадчивым, соблазнительным тоном. — Я тут заметил один новый западный ресторан. Говорят, там даже официанты общаются исключительно на иностранном. Сначала приобщимся к заморской роскоши, потом сходим в кино, а после... снимем хороший номер в гостинице. Что скажешь?

Ван Сюань слегка потер покрасневшее ухо и, быстро приняв решение, кивнул:

— Идет. Так и сделаем.

Спустя мгновение он прищурился и добавил:

— Ты ведь нарочно свалил все дела на Чэн Шу в праздники, верно? Я сначала не придавал этому значения, но зная тебя... Стоило немного поразмыслить, и всё стало ясно.

— Ну, не совсем нарочно, — хмыкнул Гоудань. — В конце концов, это и его бизнес тоже.

Просто одним выстрелом удалось убить сразу нескольких зайцев. Ван Сюань лишь снисходительно хмыкнул, не став развивать тему. Зато теперь Чэн Шу на собственной шкуре прочувствовал, как нелегко приходилось Гоуданю раньше. Да и у возможных завистников теперь не повернется язык заявить, будто Гоудань узурпировал всю власть в компании.

Для свидания полагалось одеться с иголочки. Пусть они знали друг друга как облупленных, это не повод пренебрегать приличиями.

Оба облачились в отлично сидящие шерстяные свитеры — легкие, но очень теплые, — строгие классические брюки и одинаковые шнурованные полусапожки из мягкой темно-коричневой шевровой кожи.

Ван Сюань достал из платяного шкафа два длинных кашемировых пальто. Обоих парней природа не обделила ни ростом, ни статью, да и лицами они вышли краше многих. Стоило накинуть эти пальто, как их осанка и весь облик мгновенно преобразились.

Гоуданю досталось классическое угольно-черное, а Ван Сюаню — благородного серо-белого оттенка.

Они предстали живым воплощением поговорки «одежда красит человека».

— Чертовски хороши, — Гоудань щелкнул пальцами перед зеркалом, явно довольный результатом.

— Еще бы. О цене умолчу, но такую одежду сейчас днем с огнем не сыщешь, даже за большие деньги.

Перед уходом следовало предупредить доктора Циня. Как раз в этот момент домой вернулся отдохавший после смены Су Хэвэн. Стоило ему увидеть парней, как его взгляд буквально намертво прикипел к их пальто. Не оторвать.

— О-о-о! — взвыл он от восторга и зависти. — Я тоже хочу! Хочу такое же!

— Может, тебе еще и сапоги такие же справить? — усмехнулся Гоудань, приподняв ногу, чтобы старший брат Су мог получше рассмотреть щегольскую обувь.

У Су Хэвэна глаза на лоб полезли. Сглотнув слюну, он затараторил:

— Да! Да, хочу, хочу!

— Хех, разбежался. Иди и сам покупай.

Видя, что щеголи собираются уходить, Су Хэвэн торопливо ухватил Гоуданя за рукав:

— Ну не будь ты гадом! Я такое здесь нигде не куплю, в столице подобных фасонов отродясь не видели. Я заплачу! Двойную цену дам!

Как человек, обожающий вкусно поесть и модно одеться, Су Хэвэн, казалось, знал все столичные новинки. Даже если не мог себе позволить купить, то хотя бы видел на других. Но ничего подобного он еще не встречал.

— Не продается. Мы их шили на заказ, специально отправляли мерки в Гонконг. Лишних нет.

— К тому же, старший брат Су, — мягко вставил Ван Сюань, — эти пальто скроены под наш рост. Тебе такое просто не подойдет.

Су Хэвэн действительно был юношей миловидным, но вот ростом, увы, не вышел, что являлось его вечной головной болью.

Получив этот жестокий удар под дых, старший брат Су трагично прижал ладонь к груди:

— Вы разбили мне сердце! Требую компенсацию! И ничего не знаю, я все равно хочу такое пальто. В конце концов, я могу просто положить в сапоги лишнюю пару стелек!

Приподнимется повыше на стельках — глядишь, и длинное пальто сядет как надо.

Гоудань участливо переложил его руку чуть левее:

— Сердце находится слева, какой толк хвататься за правую сторону груди? И вообще, одолжи ключи от машины, нам сегодня нужны колеса.

Под притворные стенания Су Хэвэна довольные парни выкатились со двора.

Раз уж они вырядились как столичные франты, толкаться в душном автобусе или мерзнуть на ледяном ветру в ожидании редкого такси было бы верхом нелепости. Куда солиднее катить по морозным улицам на авто. Тем более что машина старшего брата Су после его выхода на работу сиротливо простаивала во дворе. Лучше уж изредка выгуливать ее, чем позволять ей покрываться пылью.

— Я и не знал, что ты успел получить права, — заметил Ван Сюань, устраиваясь на пассажирском сиденье.

— Да еще в конце прошлого года сдал. Одолжил у Янь Дунсюя машину, потренировался немного, договорился со знакомыми из автошколы — и готово. Делов-то. Вот раскрутимся немного, и себе обязательно какую-нибудь легковушку прикупим. Будем по вечерам кататься, ветерок ловить.

— Ну уж нет, давай без этого. Мы всё-таки пока студенты. Бедным студентам живется куда спокойнее и чище, чем богатым выскочкам. Да и у тебя ведь грандиозные планы на расширение бизнеса, откуда лишние деньги на роскошь?

— На хорошую машину, может, пока и не хватает, но на простенькую семейную легковушку наскребем. К тому же для бизнеса всегда можно взять кредит в банке. Раньше я о таком и не заикался бы, но сейчас, когда эти магазины официально оформлены на меня, под залог недвижимости любой банк выдаст приличную сумму.

Об этих планах Гоудань пока помалкивал, чтобы не тревожить Ван Сюаня раньше времени. Обычные люди в те годы до смерти боялись любых долгов перед государством. Одна мысль о кредите заставила бы Ван Сюаня потерять сон и покой от вечной тревоги. Так что, пока дело не приняло серьезный оборот, лучше помалкивать.

Официант чинно проводил их к заранее забронированному столику и подал меню.

— Помнишь, как мы впервые выбрались в приличное место? — с улыбкой спросил Гоудань. — Когда дядя Чэнь Чжэнго привел нас в уездный гостевой дом?

— Конечно, помню.

Тогда они были сущими деревенскими оборванцами, внезапно оказавшимися в сияющем чертоге роскоши. Руки-ноги казались чужими, и хоть внешне они старались держаться независимо и непринужденно, внутри у обоих поджилки тряслись от страха.

В тот день обычная порция свинины в кисло-сладком соусе показалась им верхом кулинарного искусства, самым изысканным яством на земле. Кто же знал, что впереди их ждет долгая жизнь, полная куда более удивительных вкусов.

Теперь же, набравшись опыта и повидав мир, парни ни капли не робели. Даже попадая в совершенно незнакомую обстановку, они мгновенно осваивались и чувствовали себя как рыба в воде. Уверенность в себе — великая вещь.

Когда человек спокоен и внутренне свободен, он может хоть руками есть в пафосном заведении, и никто не посмеет криво усмехнуться. Напротив, крутящиеся поблизости

подхалимы обязательно восхитятся: «Какая непосредственность! Какая широта души!»

Но если ты вечно зажат, робок и не представляешь из себя ничего значимого, то, даже зазубрив до дыр все правила этикета, за спиной услышишь лишь презрительное: «Обезьяна в короне».

Деньги дают человеку смелость. Деньги — это незыблемая опора.

Ни Гоудань, ни выросший вместе с ним Ван Сюань понятия не имели, как правильно есть эти западные кушанья. Но это ничуть не портило им настроения. Пусть они держали приборы не так и путали порядок блюд — какая, к черту, разница?

Гоудань уверенно орудовал ножом. Уж с куском мяса он как-нибудь сладит. Рука двигалась четко и бесшумно, оставляя ровные, аккуратные срезы.

— Вкусно, — одобрительно кивнул он. — Но если бы порция была побольше да посочнее, было бы вообще отлично.

Ван Сюань согласно кивнул. Оба они были заядлыми мясоедами и предпочитали сытную пищу. Вот только если манера Гоуданя резать стейк отличалась размахом и молодецкой удалей, то Ван Сюань держал нож точно так же, как держат хирургический скальпель — с выверенным усилием и академической точностью. Смотрелось это весьма недурно, но у случайного наблюдателя от этой картины невольно начинали ныть зубы.

Сами парни никакой неловкости не испытывали. Мясо отправлялось в рот, а дорогое красное вино они глушили так, словно это была обычная колодезная вода. В конце концов, еда должна приносить удовольствие, а остальное — условности.

Со стороны они выглядели как отпрыски богатых и влиятельных семейств — дорогие вещи, безупречная осанка и внутреннее благородство выдавали в них людей непростых. Но стоило им взяться за столовые приборы, как вся эта аристократическая спесь мгновенно улетучивалась, уступая место первобытному аппетиту.

Их манеры мало вязались с рафинированной атмосферой классического европейского ужина. Ладно еще Гоудань — он никогда не претендовал на звание утонченного джентльмена, его буйному нраву простецкие повадки вполне подходили. Но Ван Сюань, такой мягкий, интеллигентный и изящный юноша, уплетал стейк с точно таким же богатырским аппетитом.

Они словно задались целью разрушить весь пафос этого заведения.

Впрочем, до мысленного брюзжания редких эстетов, недовольно косившихся на их столик, парням не было никакого дела.

Гоудань с интересом огляделся по сторонам, оценивая интерьер:

— А здесь красиво. Паркет натерт так, что отражение видно, да и обстановка приятная. Ешь мясо, потягиваешь вино под музыку... Идеальное место для свидания.

Ван Сюань как раз воевал с упрямым хрящом, который никак не поддавался ножу. Плюнув на приличия, он просто ухватил косточку пальцами и принялся обгладывать, попутно согласно кивая словам любимого.

— Может, закажем еще по порции? Как-то маловато. Или спросим у них, нельзя ли принести к этому мясу тарелку лапши? Тогда точно наедемся.

Гоудань только этого и ждал. Заметив проходящего мимо официанта, он слегка повернулся и зычно, на весь зал, крикнул:

— Официант! Принесите-ка нам еще два стейка. Только прожарьте как следует, чтобы без крови!

Окрестные посетители мгновенно обернулись на крик. Гоудань даже не понял, что сделал что-то неподобающее. В обычных китайских забегаловках только так и привлекали внимание персонала: если не крикнешь во всю глотку, про тебя просто забудут.

Они как-то не подумали о том, что для иностранцев поход в ресторан — это прежде всего ритуал, где внешняя благопристойность ценится куда выше сытости.

Разумеется, простые китайцы в начале восьмидесятых знали о повадках зарубежных гостей лишь по редким кадрам из кинофильмов. А уж обгладывать жирные кости руками в приличном обществе и вовсе считалось верхом неприличия — с такими масляными пальцами потом даже за руку даму не возьмешь, вся романтика насмарку.

К счастью, времена менялись, и заведение дорожило каждым клиентом, способным оплатить немаленький счет. Да и на дворе стояло начало 1987 года, реформы только набирали обороты. Редкий китаец вообще видел живого иностранца, так что здешняя публика, несмотря на весь свой элитарный лоск, состояла исключительно из соотечественников.

Вскоре к их столику подошел вежливый администратор с типично китайской внешностью.

— Желаете сделать дополнительный заказ? — поинтересовался он на чистом путунхуа.

— Да, повторите наше блюдо. Только сделайте мясо полной прожарки, в прошлый раз оно было слишком сырым. И принесите, пожалуйста, простой теплой воды. Вино жажду совсем не утоляет.

— Разумеется. Что-нибудь еще?

Ван Сюань покачал головой:

— Больше ничего. Только если можно, побыстрее. Спасибо.

Когда администратор удалился, Гоудань облегченно выдохнул:

— Ну вот, оказывается, здесь и на нормальном языке разговаривают. Свои всегда поймут быстрее. А то тот иностранец с длинным носом лопотал что-то на своем, мы еле разобрали.

— Одно дело сдавать письменный экзамен по языку, и совсем другое — общаться с живым человеком, — заметил Ван Сюань. — Я слышал, в институте иностранных языков наняли преподавателя-носителя. Так наши круглые отличники двух слов связать с ним не могут. Они не понимают его произношения, а он — их. Всё потому, что зубрят по учебникам, без живой языковой среды толку не будет.

— Вот именно. Мы и сами-то правильное произношение только в столице освоили, а в родных краях нас бы и не понял никто. Поживешь в Столице подольше — и сам не заметишь, как начнешь местный говорок перенимать.

Ресторан действительно отличался изысканным стилем и весьма кусачими ценами. Но и сервис здесь был на высоте. Здешние гости, считавшие себя сливками общества, быстро потеряли интерес к странной парочке — пусть первый выкрик Гоуданя и заставил их поморщиться, разглядывать соседей в упор никто не стал.

Так что ужин прошел в исключительно теплой и приятной атмосфере.

<http://bllate.org/book/19654/1996838>